

ПОЛИТИКА

Л.Г.Фишман

ИДЕОЛОГИЯ И ПОБЕДА¹

Ключевые слова: идеология, День Победы, национальное примирение

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 15-33-11231 «Идеологические регуляторы в обеспечении общественного согласия и национальной безопасности в Российской Федерации: возможности и риски» на 2015—2016 гг.).

На официальном уровне День Победы рассматривается с точки зрения его значения для национальной идентичности, в рамках рассуждений о попытках формирования в России национальной идеи. Подчеркивается единство российского народа, акцентируются те аспекты его культуры и мировоззрения, которые позволили СССР-России успешно противостоять нацистской угрозе, оправдываются российские геополитические амбиции и т.д. Альтернативой официальному подходу является разоблачение правящего режима, сделавшего 9 мая своим главным праздником. При этом критика 9 мая, как правило, концентрируется на тех же самых аспектах, которые в официальной версии считаются позитивными, и во многом сводится к перечислению того, что этот праздник сегодня должен замаскировать или подменить. В зависимости от идеологических установок того или иного критика и политической конъюнктуры указывается на несоответствие нынешнего праздника его изначальному содержанию (обилие «власовской» и «белогвардейской» символики, отрицание связи с социалистическим строем), на то, что он затушевывает пропасть между народом и режимом, на его неуместный милитаризм, на противостояние «цивилизованному миру». Нередко говорят, что не стоит праздновать Победу, пока не рассекречены все архивы о войне и не похоронены все погибшие. Отмечают, что еще в советское время этот праздник стал лицемерным в силу сознательного игнорирования той гигантской цены, которой была одержана Победа. Наконец, не последним аргументом в обличении как советского, так и правящего режима является ссылка на то, что праздник Победы был призван вытеснить память о репрессиях и, потенциально, оправдать репрессии будущие, если они понадобятся для достижения целей государства.

Не отрицая известной продуктивности подобного рода обличительной критики, трудно не заметить высокой степени ее ангажированности. Она фокусирует внимание на тех аспектах праздника, которые не просто бросаются в глаза, но которые в глаза прямо-таки бросают. Такая критика означает согласие играть по правилам тех, кто хотел бы видеть в Дне Победы исключительно праздник национальной идентичности, кто обосновывает его празднование необходимостью выработки государственно-идеологического варианта национальной идеи, трактуя стремление его критиковать как происки «пятой колонны». В настоящей статье мы попытаемся наметить другой подход, суть которого заключается в том, чтобы рассматривать День Победы как праздник, чья идеологическая

составляющая отнюдь не сводится только к декларируемой и одновременно обличаемой его стороне. Мы попытаемся показать, что на самом деле День Победы в известном смысле архетипичен и эта архетипичность не ограничивается его конъюнктурным политико-символическим содержанием. Подлинная подоплека этого праздника в *современной России* такова, что в ней в значительной мере раскрывается сама природа идеологии. Поэтому роль праздника 9 мая как праздника Победы в войне имеет смысл анализировать с точки зрения природы идеологии. Ключевым понятием здесь является именно «победа», а не связанная с нею дата. Можно вести речь о некоем скрытом содержании, которое, пусть не всегда сознательно, вкладывается правящими элитами в празднование Победы.

Идеология: победа и примирение

² «Утопичность идей всегда выявляют представители господствующего слоя, находящиеся в полном согласии с существующим порядком; идеологичность — представители подчиняющегося слоя, отношения которых к существующему порядку полны напряжения, вызванного самим их положением в данном обществе» (Мангейм [Manheim] 1991: 121).

В данном случае мы отталкиваемся от мангеймовского (в свою очередь, восходящего к марксовому) понимания идеологии как преимущественно учения социальных групп, находящихся на вершине социальной пирамиды². Но правящий класс — это, конечно, класс, победивший в классовой борьбе.

Подтверждение сказанному можно найти уже в докапиталистическом прошлом. Да, конечно, применительно, например, к Средним векам вряд ли правомерно говорить об «идеологиях», аналогичных современным. Однако в политических учениях, в воззрениях правящих классов, в государственной религии, легитимирующей наличествующий порядок вещей, мы обнаружим очень весомые, неустранимые представления о победителях, обладающих властью, и побежденных, обязанных им подчиняться. Аристократы стоят над крестьянами, ремесленниками и купцами по праву победителя, по праву силы. Церковь доминирует вследствие победы христианского учения; она постоянно побеждает самого Дьявола (в виде пороков), а также всевозможных язычников и еретиков. Вообще, весь феодальный порядок основан на культе превосходства, достигнутого борьбой и победой более сильных, умных и осененных божественным покровительством над соперниками.

В Новое время уже в просвещенческом, а потом и в либеральном представлении об истории отражается другой аспект значения концепта победы для идеологии. Это понимание истории как триумфа прогресса в его противостоянии глупости, тьме и реакции, а затем как борьбы прогрессивных классов против их противников. В сложившемся позднее либерально-консервативно-социалистическом консенсусе молчаливо подразумевается, что есть либерально-буржуазный победитель, навязывающий всем остальным свои представления относительно приемлемых темпов прогресса и методов его осуществления.

В современности факт победы правящего ныне класса находит отражение в государственных праздниках и памятных датах, с течением времени приобретших статус общенациональных. Мы легко можем в этом убедиться, обратившись к государственным праздникам тех стран,

в жизни которых идеология сыграла важнейшую роль. Победа может быть внутривнутриполитической, как победа в классовой борьбе, увенчавшейся революцией или реформой, — таков, скажем, День взятия Бастилии или празднование принятия Великой хартии вольностей. К ней могут быть примешаны внешнеполитические, открыто военные аспекты — как в американском Дне независимости или любом другом национальном празднике, посвященном освобождению от колониального гнета или военной оккупации (например, День освобождения Нидерландов). Но и в этом случае у военной победы легко обнаруживается классово-политическая подоплека. Внешний враг обычно выступает на стороне внутренних «тиранов», олицетворяя собой реакционную альтернативу более прогрессивному и желаемому большинством народа строю. Победа над внешним врагом под знаменами идеологии, лежащей в основе классовой гегемонии, легитимирует правящий режим.

Но как быть тогда с Германией и Японией, где после Второй мировой войны такая легитимация осуществлялась путем признания поражения? Казалось бы, противоречит сказанному и опыт Британской империи, чья история во второй половине XX в. — это история распада и геополитического поражения, которые тем не менее классовой гегемонии не подорвали.

Однако при более пристальном рассмотрении выясняется, что для Германии и Японии легитимация правящих режимов и классовой гегемонии через поражение на самом деле являлась легитимацией через победу «лучших» ценностей, нежели те, которые у них были, когда они проиграли. Британия растеряла свою империю, но почему? Потому что, с официальной точки зрения, она культивировала там ценности свободы, цивилизации и прогресса, которые в итоге и восторжествовали. Так что и в этом случае поражение оказывается победой.

В «буржуазной идеологии» культ победы и победителей вообще изначально имел огромное значение. Оно проявляется уже в раннем осмыслении «естественного состояния» как «войны всех против всех». Она прекращается лишь благодаря добровольной капитуляции перед лицом суверена, которому под видом «общественного договора» все отчуждают часть своих прав. Иными словами, «общественный договор» — это мирный договор на условиях суверена-победителя.

Аналогичным образом в ортодоксально-либеральном понимании экономики как основы общества превалирует представление о рынке как об арене конкурентной борьбы (и даже войны), в которой есть свои победители и побежденные. Это же представление потом переносится на природу, а затем вновь возвращается в область политики в виде Мальтузианства и социал-дарвинизма, расовой теории и т.д.

Разумеется, компонент войны с ее понятиями победителей и побежденных не единственный в структуре идеологий. Не менее важным является представление о примирении, которое, впрочем, прямо вытекает из базовых концептов войны и победы. Война ведется ради мира, но его условия диктуются в основном победителем. Точно так же и

³ Консерватизм как влиятельная часть идеологического консенсуса в этом смысле олицетворяет собой аспект примирения с некоторыми уступками побежденным.

⁴ «...Ранее порожденные идеологии... вступают в конфронтацию и конфликт, продолжающийся до тех пор, пока не проявится тенденция к преобладанию одной из них или, по крайней мере, единственной комбинации из них» (цит. по: Лестер [Lester] 2003).

в области идеологии условия мира диктует победитель³, что находит отражение в ситуации, которую А.Грамши описывал в терминах культурной гегемонии⁴. В рамках культурной гегемонии и существует аспект примирения. Но раз так, то он тоже подразумевает наличие базовых представлений о пути развития, об истории и выборе, а следовательно, о победителе и проигравшем. Бывает, что с течением времени страна начинает проводить политику национального согласия вплоть до признания героями (или, во всяком случае, не однозначными злодеями) в том числе и представителей проигравшей стороны. Часть ценностей проигравших может быть интегрирована в политическую культуру. Но доминирование победившей идеологии всегда принципиально, какими бы героями и даже спасителями национальной гордости post factum ни признавались побежденные.

NB! Весьма показателен в этом отношении случай с двумя персонажами японской истории — мятежником-реакционером Сайго Такамори, возглавившим Сацумское восстание самураев 1877 г., и сторонником революции Мэйдзи генералом Ямагата Аритомо, который это восстание подавил. Несмотря на поражение, Сайго Такамори пользовался такой популярностью, что 14 лет спустя его реабилитировали, объявили национальным героем и поставили ему памятник. Тем не менее слава мудрого государственного деятеля досталась Ямагата Аритомо.

Так или иначе, главной тайной идеологии (которая теперь позиционируется как идеология национального примирения) остаются факты войны, победы и заключенного на условиях победителя социального мира.

Наши идеологические «победы»

У постсоветской «буржуазной», либерально-демократической России тоже были свои победы, аналогичные победам западных идеологий. Это август 1991 и октябрь 1993 г. Но по целому ряду причин эти победы не смогли стать национальными праздниками и не были подняты на щит правящими режимами, хотя соответствующие попытки и предпринимались. Не удалось утвердиться в качестве главного праздника новой России и 12 июня. Как справедливо отмечает В.Ефремова со ссылкой на К.Смит, уже с самого начала праздник оказался сопряжен с событиями, которые обусловили неоднозначность восприятия его нарратива, сделав его противоречивым и непопулярным. Одна из причин такого поворота событий заключалась в том, что у националистов и коммунистов он ассоциировался с распадом СССР и последующим разбазариванием его ресурсов, ответственность за которые возлагалась на Б.Ельцина, подписавшего декларацию о суверенитете. Без ответа оставались и следующие вопросы: чем считать 12 июня — годовщиной нации или президентства? от кого Россия стала независимой —

⁵ Ефремова
[Efremova] 2014:
89—90.

⁶ Мартянов
[Mart'janov] 2006.

от Украины, Белоруссии, Казахстана и других бывших советских республик?⁵ В итоге, как едко заметил В.Мартянов, этот праздник превратился в «праздник для никого»⁶.

В наследство от советского режима нам достался праздник Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября. С трогательной непосредственностью, отражавшей желание любого правящего класса иметь ситуацию «национального примирения», его вначале пытались переименовать в День согласия и примирения, а затем перенесли праздничную дату на 4 ноября. Показательно, что день одной идеологической победы фактически заменили празднованием другой победы, причем победы уже с отчетливым военным оттенком (изгнание поляков), но тоже скрыто идеологической, связанной с выходом из Смутного времени, то есть опять же с достижением чаемого правящим классом согласия и примирения. Общий посыл нового праздника был довольно ясным: подчеркивание непреходящей ценности государства, величия и крепости державы (что делало его своего рода праздником бюрократии). Замена оказалась неудачной вследствие как архаичности ее идейного содержания, так и временной удаленности событий, праздновать которые теперь официально предлагалось.

Несмотря на переименование 12 июня в День России и существование Дня Конституции и Дня народного единства (de facto представляющего собой День освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством К.Минина и Д.Пожарского от польских интервентов), вопрос о главном празднике в стране оставался открытым. Упомянутые выше праздники так и не обрели народной любви и популярности. Потребность правящего класса в *настоящей* победе как символе национального согласия и выбора всем народом некоего пути, то есть признанного идеологического доминирования, по-прежнему не была удовлетворена. Поэтому со все большим размахом, достигшим пика в 2015 г., стал праздноваться День Победы 9 мая. Общая победа в войне выдвинулась на роль ключевого сплачивающего символа «многонационального российского народа». Как замечает по этому поводу Н.Копосов, миф о войне, по сути, превратился в миф о происхождении постсоветской России: «Миф о войне в концентрированном виде выражает историческую концепцию нового режима. Он подчеркивает единство государства и народа, а не насилие государства над народом... доказывает необходимость сильной власти, вооруженных сил и спецслужб»⁷. Из праздника, правда, изъяли большую часть его изначального идейного содержания, четко выраженного, в частности, в следующем высказывании И.Сталина: «Утвердившаяся в нашей стране идеология равноправия всех рас и наций, идеология дружбы народов одержала полную победу над идеологией звериного национализма и расовой ненависти гитлеровцев»⁸. В советской традиции подчеркивалась связь между победой над нацистской Германией и Великой Октябрьской революцией. В сегодняшнем же облике 9 мая эта связь является побочной, а то и вовсе игнорируется, точно так же как красное

⁷ Копосов [Koposov]
2011: 164.

⁸ Сталин [Stalin]
1944.

знамя, под которым победа была одержана, уступило место георгиевской ленте.

В конечном счете от «идеологической победы» должна остаться просто *победа*, осмысляемая уже не столько как победа конкретной идеологии, сколько как победа некоего «естественного» пути развития, «нормального» мышления и образа жизни. Например, американского или европейского, цивилизованного, достойного и т.п. Иными словами, идеологию, лежащую в основе победы, нельзя провозглашать открыто. И все же за завесой тайны должно непременно что-то скрываться, а именно — сама идеология с ее ясно выраженными целями и задачами. Однако в российском случае этот покров маскирует не то чтобы пустоту, но нечто, чье содержание слишком неопределенно и размыто, чтобы называться идеологией. То, что находится у нас на месте идеологии, лучше всего описывают слова У.Черчилля, которыми он когда-то характеризовал Россию в целом: «загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки».

В итоге мы видим, что праздник 9 мая сегодня отражает стремление государственной бюрократии к обладанию «идеологической победой», но объективно не в состоянии справиться с возложенной на него задачей. На наш взгляд, мы едва ли ошибемся, предположив, что за завесой тайны скрывается *только чистое желание* иметь такую победу. Российский правящий режим мог бы сказать, не покрывив душой: «А значит, нам нужна одна Победа». Но проблема, как уже отмечалось, в том, что та Победа, которую празднуют, не вполне соответствует целям правящей бюрократии, а те, что могли бы подойти под критерий «идеологической победы», не слишком пригодны либо в силу своей излишней откровенности, либо вследствие прямо противоположного идейного содержания. Тем не менее попытки интегрировать подобного рода победы, включая победу 1917 г., в ту единственную «идеологическую победу», которая нужна режиму, продолжают. Не случайно последний раз вопрос о революции 1917 г. был поднят В.Мединским почти сразу после празднования 70-летия Победы⁹.

⁹ Мединский [Medinsky] б.г.

Заключение

В свое время нам уже приходилось обращать внимание на то, что «процесс возникновения полноценных идеологий классического образца в России в настоящее время не разворачивается. Более того, если в начале посткоммунистической эпохи интеллектуалы еще пытались прилагать усилия в направлении формулирования собственно идеологий, которые, как предполагалось, будут взяты на вооружение теми или иными парламентскими партиями, то теперь все большее их число предпочитает примыкать к западничеству или к почвенничеству и считать эту свою самоидентификацию определяющей. Даже не проводя социологических опросов среди интеллектуалов, пишущих на политические и общественные темы, можно легко заметить, что не слишком многие из них позиционируют себя как коммунистов, либералов,

¹⁰ Фишман
[Fishman] 2004:
100—101.

консерваторов или социалистов. Большинство предпочитает говорить о себе скорее как о патриотах, почвенниках, либо как о сторонниках европейского (цивилизованного) пути развития для России. Идеология же представляется чем-то вторичным, производным из западной или почвеннической позиции, и поэтому с ее выбором оказывается возможным повременить»¹⁰.

Еще в начале «нулевых» годов в российской политической мысли сложился своего рода консенсус, мировоззренческая база которого восходит к западничеству и почвенничеству. Те слова и идеи, приверженцев которых еще недавно клеймили как «красно-коричневых», к концу 1990-х стали служить «упаковкой» едва ли не для всех значимых политических партий и сил. Характерно, что отечественный вариант идеологического консенсуса оказался негативно настроен по отношению к социальному экспериментированию. При всех взаимных разногласиях коммунисты, патриоты и «партии власти» были единодушны в одном: Россия больше не должна становиться полем для социальных экспериментов. В связи с этим ни одна мало-мальски значимая политическая сила и не предлагала инновационного пути развития. В начале 1990-х годов демократы настаивали на необходимости идти по опробованному пути либеральных реформ; позднее коммунисты и патриоты призывали, не мудрствуя лукаво, использовать наш собственный, российский, опыт, накопленный страной в прошлом; нынешний режим на уровне риторики пытается сочетать оба этих принципиально исключающих поиска новых решений рецепта. Все это вместе означает, что сложившаяся ситуация в целом устраивает наш политический класс, что он ощущает себя классом победителей и нуждается только в подходящем идеологическом оформлении своей победы.

Поэтому установившийся идеологический консенсус регулярно сопровождается попытками сформулировать некую идеологию примирения. Определяющее место в ней должно занять осмысление истории, фиксация преемственности всех ее периодов. Идеология примирения (впрочем, как и всякая иная идеология, являющаяся учением правящих классов) всегда закрепляет результат войны. Представления о войне и победе — архетипическая парадигма идеологии, к которой та фактически и сводится на этапе своей трансформации в идеологию примирения и национального согласия. Не случайно Великая Отечественная война играет столь важную роль в попытках создания идеологии примирения, да и вообще в политике национально-культурной идентичности, проводимой российским правящим классом. Тут присутствует почти психоаналитическая коллизия: упор на итоги и значение Великой Отечественной войны скрывает под собой вытесненное желание закрепить результаты современной нам войны классово.

С Днем Победы у нас наблюдается ситуация, когда праздник, лишенный аутентичного идейного содержания, но продолжающийся праздноваться в силу своей архетипичности, обнажает саму природу идеологии как дискурса победы правящего класса или хотя бы желания иметь

такую победу. С этой точки зрения весьма показательно, что на многих плакатах в честь праздника было написано не «70 лет Победе» (что правильной), а «70 лет Победы». «70 лет победы» — формула, в которой можно без труда обнаружить стремление выдать за «победу» и последние 25 лет. Но в последние 25 лет у нас была только одна достойная упоминания победа — победа нынешнего правящего класса, преемника советской номенклатуры, над остальным населением.

В то же время, наверное, не случайно, что описанной выше архетипичностью до сих пор все и ограничивается и попытки создания четкой сформулированной национальной идеологии не доводятся до конца. Будучи последовательно осуществлены, они стали бы видимым невооруженным глазом закреплением результатов «классовой войны». Но такой поворот событий привел бы к опасной определенности. С.Жижек точно подметил, что идеология всегда заинтересована в некоторой неясности и скрытости. В противном случае она навлекает на себя симметричный ответ в виде другой идеологии, что в конечном счете ослабляет ее, побуждая субъектов идеологии сделать первый шаг к рациональному познанию мира и освобождению от идеологии вообще: «Многие не хотят надевать очки идеологии, чтобы не знать той правды, что мы, не задумываясь, живем в мире лжи и что очки заставят увидеть правду, которая может причинить много боли, разбить многие ваши иллюзии. <...> Но я верю, что мы можем освободиться от идеологии, открыто признав и продекларировав не только ее существование, но и свое место под ее гнетом. ...Природа любой идеологии такова, что та может действовать только подспудно. Никогда — напрямую. Стоит провозгласить идеологию, ее истинный смысл и цели, как ты уже подрываешь ее силу»¹¹.

¹¹ *Славой Жижек*
[Slavoj Žižek] б.г.

Прочные и достойные самостоятельного празднования «национальное примирение» и «идеологическая победа» достигаются не в области символики и пропаганды, а в сфере реальной социально-экономической политики. Свидетельством такой настоящей победы является наличие общественного договора, принимаемого большинством. Но у нас не было и нет полноценного общественного договора, достигнутого посредством публичного рационального обсуждения. То, что называют «общественным договором», в лучшем случае сводится к молчаливому согласию со спущенным властью сверху контрактом по типу «свобода в обмен на благосостояние». Это «общественный договор» в его гоббсовской версии: если вы согласились с существованием суверена, то придется его терпеть. Подобная версия «общественного договора» наиболее проста в своей непосредственности, поскольку легитимность суверена в ней по большей части основана на факте превосходства над подданными и победы над ними. Поэтому в рассмотренной выше ситуации не следует усматривать следствие какого-то коварного плана правящих элит, которые намеренно не артикулируют четко свои идеологические воззрения, дабы не вызвать противодействия. Она вытекает из их объективного положения — положения гоббсовского суверена, который, даже искренне желая подарить обществу идеологию

примирения, не может предложить ничего, кроме некоей идеологии вообще, главными характеристиками которой остаются абстрактные «победа» и «примирение».

Библиография

Ефремова В.Н. 2014. *Государственные праздники как инструменты символической политики в современной России*. Дисс. на соискание уч. степени кандидата политических наук. — М. [Efremova V.N. 2014. Gosudarstvennye prazdniki kak instrumenty simvolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii. Diss. na soiskanie uch. stepeni kandidata politicheskikh nauk. — M.].

Копосов Н. 2011. *Память строгого режима: История и политика в России*. — М. [Koposov N. 2011. Pamjat' strogogo rezhima: Istorija i politika v Rossii. — M.].

Лестер Дж. 2003. Теория гегемонии А.Грамши и современность // *Альманах «Восток»*. № 9/10 [Lester J. 2003. Teorija gegemonii A.Gramshi i sovremennost' // Al'manakh «Vostok». № 9/10] (http://www.situation.ru/app/j_art_190.htm).

Мангейм К. 1991. Идеология и утопия // *Утопия и утопическое мышление*. — М. [Manheim K. 1991. Ideologija i utopija // Utopija i utopicheskoe myshlenie. — M.].

Мартьянов В.С. 2006. Праздник для никого // *Политический журнал*. № 20 (115) [Mart'janov V.S. 2006. Prazdnik dlja nikogo // Politicheskij zhurnal. № 20 (115)] (<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=119&tek=5735&issue=162>).

Мединский В. *Навстречу 100-летию Революции: Звено в исторической преемственности и платформа примирения* [Medinsky V. Navstrechu 100-letiju Revoljucii: Zveno v istoricheskoy preemstvennosti i platforma primirenija] (<http://www.odnako.org/blogs/navstrechu-100-letiyu-revoljucii-zveno-v-istoricheskoy-preemstvennosti-epoha-gigantskih-dostizheniy-i-platforma/>).

Славой Жижек: «Идеология — пустое слово, именно поэтому она и работает» [Slavoj Zizek: «Ideologija — pustoe slovo, imenno poehtomu ona i rabotaet»] (<http://archives.colta.ru/docs/20836>).

Сталин И.В. *Доклад на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы*. 6 ноября 1944 года [Stalin I.V. Doklad na torzhestvennom zasedanii Moskovskogo soveta deputatov trudjashhikhsja s partijnyimi i obshhestvennymi organizacijami goroda Moskvyy. 6 nojabrja 1944 goda] (<http://www.hrono.ru/libris/stalin/15-11.html>).

Фишман Л.Г. 2004. *Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно*. — Екатеринбург [Fishman L.G. 2004. Postmodernistskaja lo-vushka: put' tuda i obratno. — Ekaterinburg].